

ОТ НАС СТАВЛЯЮЩИМ РЕЖИССЕРСКИМ СТОЛОМ Я, К СКАЖУ, НЕ ЗАСТАЛ И СУДИТЬ О МЕТОДАХ ЕГО РЕЖИССЕРСКОЙ РАБОТЫ МОГУ ТОЛЬКО ПО ВИДИМЫМ НАМ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ. В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СИСТЕМА АКТЕРСКОГО ТВОРЧЕСТВА, СОЗДАННАЯ СТАНИСЛАВСКИМ, НЕКОЛЬКО ЗАСЛОНОМ ДА НАС ЕГО СОБСТВЕННОМУ ТЕАТРАЛЬНОМУ ПРАКТИКИ И РЕЖИССЕРСКОМУ И АКТЕРСКОМУ. ЭТО НАПРАСНО, ПОТОМУ ЧТО ЭЛЬЗА ВОСПРИНИМАЕТ РАБОТЫ СТАНИСЛАВСКОГО В ОТРЫВЕ ОТ ЕГО МНОГОЛЕТНЕЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. БЕЗ ЭТО НЕ МОЖНО ВОЗНИКНУТЬ И СТРОИТЬ ЗАВЕРШЕННОСТИ СИСТЕМЫ.

Если позволить, наш разговор я не ограничил бы только МХАТом. Не мы одни связываем свою работу с именем Станиславского. Не только артисты, но и многочисленные ученики, последователи и продолжатели, работающие во многих театрах страны. В конечном итоге все режиссеры и актеры с окончившие наши театральные вузы, работают «по Станиславскому» или во всяком случае думают, что это так. Только вот спектакли у нас все равно оказываются весьма разными.

Для меня Станиславский с первой своей работы, с «Царя Федора Иоанновича», и до последней — художник активной формы и яркой театральной образности, однако не только в этом. Он был человеком, через искусство актера. Вот в чем его особенность, вот откуда, мне кажется, появилась у режиссера потребность в создании системы актерского творчества.

Станиславский всегда был за многообразие в искусстве. Он мог принять любые формы — гротеск, балаган, импрессионизм. Во всякие «измы», говорил он, достигаются угонченными и углубленными формами. Искусство театра в котором не ощущается жизни человеческого духа, для чего мертво.

Он не боялся смело изменить темпо-ритмы сценического действия в «Няньте» Фигаро, добиваясь гротеска в «Тараньке». Искусство сразу договаривается — Станиславский умел быть разным в каждом новом спектакле. Он шел к озерной

премьере, опираясь на практическую необходимость по доброту новый клич, годный для решения именно этого спектакля. Для другого он находил другой клич. Кладовую его запасов была неисчерпаема. Изменился только одно — стремление передать по сцене жизнь человеческого духа и добиться этого посредством искусства актера.

Но при этой нужде — не просто следовать традиции Станиславского, а видеть, труднее, чем, например, Мейерхольда или Вахтангова. Метод Станиславского богато разработан театром в течение жизни, а в практике весьма размыт.

— Действительно, записи Горькова, Топонова, воспоминания актеров МХАТа передают, назалось бы, мельчайшие подробности репетиционной работы. Но это — под впечатлением. И все-таки нацелены на направление поиска, слагаемые традиции можно и нужно.

Мне кажется, Станиславскому всегда недоставало того, что являлось в пьесе. Невольно вспоминается, как он отстаивал принцип актера. Станиславский на словах — тоже, а на деле? Главной в «Царе Федоре» была все-таки сцена на Яузе. А ведь в пьесе она обозначена всего мал, что ставит народную трагедию, и не мог обойтись без масштабной народной сцены. Лошадь, которая появлялась в «Горичем сердце» — это тоже предосторожность Островского.

В этих случаях Станиславский опирался на свое понимание, свое знание жизни. Он идет от сути драматургического произведения и как бы «конструирует» ее в виде художественного представления. В этом я вижу основу его режиссерской методологии.

Неповторимость его режиссерских уроков в том, что здесь индивидуальное и общее. Он не только определял, выходящая спектакля и кончая поисками актерских приспособлений. Путь «от себя» всегда индивидуален, но это путь истинного художника. Станиславский — предельно честный человек. Он не боялся сказать фальшь и приулав к атому трупу. Погляди на Хитров рынок, эскизуря в музее, подлинные предметы быта на сцене и пресловутый

и мыслительно раскрытые колпачки своего руководителя, повторяя их роли в роль первой игры, которыми прочно овладели. Мысленная память и только. Это бывает весьма живописно, но никогда не согрето дыханием самой жизни, тем, что выражается исполвель, постепенно, из зерна, посаженного в землю. Искусственные цветы порой выглядят ярче живые, но разнородно мы замечаем сразу.

— В современной театральной жизни, в западных театрах особенно, достаточно широкое распространение получила так называемая теория отчуждения, когда актер оказывается не в «шкурке» действующего лица, а словно наблюдает своего героя со стороны.

— В чем же современность актерского искусства? Разумеется, живая работа со зрителем, живая работа с актерами, живая работа с традициями режиссерской и актерской системы К. С. Станиславского на современном театральном процесс.

— У Станиславского бы наблюдатель, а не актер. Он не принимал такое искусство лично для себя. Вообще все, что я сейчас оставляю и с чем спорю, относится к моим личным художественным пристрастиям, и я никогда не утверждал, что мне вообще не имеет права на существование. Но исповедовать человек может только одну религию. Врехта невозможно соединить со Станиславским, хотя полоний Брехт проявлял интерес и наследно Станиславского. Теория отчуждения чужда всем традициям русской реалистической сцены, начиная от Щепкина. Когда на сцену выходишь, ты должен послушно выполнять стилизованный режиссером рисунок, я остаюсь, холодея и равнодушен.

Однажды Станиславский решил тилажем заменить актера, когда шел в первом акте. Белье нитки швов — да что там нитки, стропила — явственно проступают сквозь конструкцию спектакля. Я не приемлю такого театра. Во главе его может быть очень даровитый режиссер, но он не способен пробудить актерское творчество. И если он сам — яркая человеческая индивидуальность, то его актер в лучшем случае становится

— Я видел такие спектакли и не принимаю такое искусство лично для себя. Вообще все, что я сейчас оставляю и с чем спорю, относится к моим личным художественным пристрастиям, и я никогда не утверждал, что мне вообще не имеет права на существование. Но исповедовать человек может только одну религию. Врехта невозможно соединить со Станиславским, хотя полоний Брехт проявлял интерес и наследно Станиславского. Теория отчуждения чужда всем традициям русской реалистической сцены, начиная от Щепкина. Когда на сцену выходишь, ты должен послушно выполнять стилизованный режиссером рисунок, я остаюсь, холодея и равнодушен.

Однажды Станиславский решил тилажем заменить актера, когда шел в первом акте. Белье нитки швов — да что там нитки, стропила — явственно проступают сквозь конструкцию спектакля. Я не приемлю такого театра. Во главе его может быть очень даровитый режиссер, но он не способен пробудить актерское творчество. И если он сам — яркая человеческая индивидуальность, то его актер в лучшем случае становится

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

— Бедна наша, что мы много видим на сцене режиссера и забываем о том, что фейерверк его фантазии замалчивает нам проникновение в жизнь человеческого духа. Много появилось мастеровитых режиссеров, владеющих набором модных приемов. Они рационально придумывают решение и в это прокрустово ложе закладывают

Сов. Кинематограф, 1973, 18 сен. 1101